

Геннадий АШИН

Политическое лидерство: оптимальный стиль

Очевидно, в самом явлении лидерства скрыта тайна. Иначе почему древние и новейшие авторы, исписав горы бумаги, так и не смогли ответить на простенький вроде бы вопрос: почему один человек подчиняется другому, верит ему, идет за ним? Что это — магия роли (кресла, трона, поста президента или генсека) или очарование личности политика? И почему, когда дела в стране идут трудно, все упования наши обращаются не на ту или иную программу либо политический институт, но именно на лидера? Вспомним диалог из драмы Б. Брехта «Галилей». Один из героев говорит, что счастлив народ, который рождает героев. А другой (сам Галилей) формулирует мысль гораздо более глубокую: несчастен народ, который нуждается в героях.

Зачем человеку власть?

Мы уже привыкли к всевозможным дефицитам. К дефициту продовольствия, медикаментов. Но как расценить то, что социологи все чаще свидетельствуют о дефиците доверия населения к своим политическим лидерам? В конце 1990 года в ходе опроса, проведенного Центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 4,6 тыс. жителей различных регионов страны высказали свою точку зрения на то, в чем население испытывало наибольший недостаток. И сразу же после нехватки товаров первой необходимости люди назвали дефицит доверия к политическим лидерам. Опросы общественного мнения с января по июль 1991 года показали дальнейшее понижение рейтинга подавляющего большинства руководителей всех уровней — от президента теперь уже бывшего СССР до республиканских, областных, районных руководителей.

А ведь низкий рейтинг лидеров — явление опасное для равновесия политической системы, особенно в условиях социальной нестабильности. Можно с уверенностью предположить: одной из причин того, что ряд высших руководителей СССР решились на путч в августе, была надежда, что падение рейтинга президента будет способствовать пассивности народа при виде его неконституционного отстранения. Они не учли лишь такие «мелочи», как: народ политически вырос за последние годы настолько,

Ашин Г. К. — доктор философских наук, профессор Московского института международных отношений, политолог и социолог.

что стало невозможно манипулировать им в традициях доперестроечного времени, рейтинг В. Павлова, Г. Янаева, Д. Язова, В. Крючкова был не просто отрицательным, а катастрофически низким. Впрочем, последнее обстоятельство могло как раз подтолкнуть их на путч как единственное средство продления власти. И, напротив, одной из причин поражения путча стала популярность Б. Ельцина, который объективно сделался олицетворением демократических сил в стране (что само по себе еще раз подчеркнуло роль личности в современной истории).

Однако тенденция падения рейтинга политических лидеров всех рангов в 1992 году сохранилась (что, разумеется, связано с резким падением жизненного уровня населения всех республик СНГ). По данным опросов, проведенных фондом «Общественное мнение» и измерявших рейтинг политических лидеров и органов власти, в феврале—марте 1992 года отрицательные оценки деятельности Ельцина составили 29%; в июне—июле—41%. Рейтинг других политических лидеров, в том числе оппозиционных, был еще ниже. Рейтинг Верховного Совета России упал за этот период с 23 до 7%¹. В условиях дальнейшего спада производства, политической нестабильности, глубокого духовного кризиса какой смысл, казалось бы, бороться за лидерство, за власть? Так сказать, себе дороже. В таких условиях, возможно, естественнее было бы видеть бегство от лидерства. Но этого явления не наблюдается. Напротив, тяга к власти не исчезает и число все новых претендентов на лидерские посты не уменьшается.

Зададимся вопросом: что же привлекает человека, заставляет его включиться в многотрудную борьбу за политическое лидерство, что является стимулом к лидерству? Самое простое объяснение: обладание властью дает различные привилегии, прежде всего материальные. Что ж, не будем сбрасывать это со счетов. По-видимому, это один из мощных стимулов (особенно применительно к нашему обществу тотального дефицита). Но является ли он главным? Ведь материальные блага можно приобрести иным, более простым путем. Да и если материальные блага — главный стимул, непонятно, почему борьбу за политическое лидерство веди и ведут, например, такие состоятельные люди, представители богатейших семейств США, как Кеннеди, Рокфеллеры и др., Позиции политического лидерства им не сулят новых богатств, скорее, вынуждают тратить огромные деньги на избирательные кампании (это еще раз показала попытка выдвижения на пост президента США миллиардера Р. Перро).

Может быть, претендентами на лидерство движет утверждение своих личных амбиций и претензий? Жажда славы, популярности? Что ж, и это возможно. А может быть, влияет сознание того, что получаешь возможность распоряжаться судьбами многих, порой миллионов людей? Политические оппоненты неоднократно обвиняли М. Горбачева в стремлении к сильной, даже неограниченной власти. На это Горбачев отвечал (и не без оснований), что если бы он тяготел к авторитаризму, зачем бы ему было начинать перестройку, расставаться с той практически абсолютной властью, которой много десятилетий обладал в нашей стране генсек. Властью, которая превосходила власть любого абсолютного монарха. Это дало повод некоторым политологам утверждать, что Горбачев не был ориентирован на власть, а с самого начала стремился развалить властные структуры, цементиовавшие тоталитарную систему, так сказать, возглавить, чтобы обезглавить.

Ряд социологов и социальных психологов считают, что власть — это не средство для чего-то, а прежде всего ценность в себе, даже высшая

¹ См. «Куранты», 4 сентября 1992.

ценность в системе ориентаций личности определенного типа. Они ищут о сладости самой власти, о том, что многие из тех, кто ее вкусил, уже не в силах от нее отказаться, подобно тому, как тигр, отведавший человечины, уже не желает иной пищи.

Но если это так, не является ли стремление к лидерству индикатором патологии личности? Естественно предположить, что нормальному человеку, если он оказывается в положении политического лидера, свойственно испытывать чувство некоторой неловкости в связи с тем, что он поряжается сотнями, тысячами, а тем более миллионами себе подобных. Во всяком случае, это его связывает, а порой пробуждает определенное чувство вины (чего напрочь были лишены многие автократические правители, в частности партократы). Напротив, если положение лидера (командование другими, сознание того, что от тебя зависят судьбы многих людей) приносит высшее наслаждение, то это как раз и есть показатель патологии (не потому ли порой в лидеры рвутся не подвижники, а подонки). Но именно таких и близко нельзя подпускать к позициям политического лидерства. Я бы сформулировал парадоксальное положение: власть лучше доверять тому, кто ею хотя бы отчасти тяготится.

Да, действительно, к политическому лидерству стремятся разные люди: одухотворенные высокой идеей, для которых лидерство — средство для реализации этой идеи, и циничные, беспринципные, безжалостные, ловкие. Среди претендентов на политическое лидерство мы встречаем тех, кто (подобно Гитлеру или Сталину, Мао или Хусейну) страдает комплексом неполноценности, хотя обычно и не осознает его причин. Для таких политиков стремление к власти служит как бы средством компенсации комплекса, путем к самоутверждению. Так, И. Сталин, страдавший от врожденной сухорукости, маленького роста, детского и юношеских обид, реакцией на которые было озлобленное властолюбие, коварство и жестокость, хитрый, изобретательный ум, — пример такого лидера. Еще в 1927 году выдающийся психиатр В. Бехтерев поставил диагноз этому лидеру — маниакально-депрессивная паранойя (за что и поплатился жизнью).

Сказанное не дает повода видеть во всяком лидере лишь циника, ловкача или психически неуравновешенного человека. В обществе существует объективная потребность в политическом лидерстве, и она не может не реализовываться. Другой вопрос — во имя чего осуществляется лидерство, чему оно служит: воплощению в жизнь социальных и политических идеалов, реализации интересов народа, той или иной социальной общности или же удовлетворению личных амбиций, а может быть, своекорыстных интересов определенных социальных групп. И, главное, — морально ли лидерство, как соотносятся его цели и средства. Нельзя игнорировать и благородную мотивацию к лидерству — изменить политическую систему в интересах народа, защитить общечеловеческие ценности и, более широко, сделать добро людям. Примеры такого рода подлинных лидеров человечества — А. Эйнштейн, А. Сахаров. К сожалению, ссылками на общественное благо искатели лидерства слишком часто маскируют свои эгоистические цели.

В этом плане небезынтересна типология лидерства, предложенная американским политологом Ю. Дженнингсом, который делит лидеров на «суперменов», «героев» и «принцев». «Суперменом» он называет великого человека, который ломает старые порядки, создает новые ценности, «героем» — лидера, посвятившего себя значительным и благородным целям. А «принц» — лидер, деятельность которого мотивируется главным образом стремлением господствовать над другими людьми, любыми путями добиваться власти. Вообще-то здоровое честолюбие, свойственное пре-

тендентам на позиции лидерства, может быть позитивным качеством, стимулирующим деятельность политика; стремление к лидерству в той или иной степени свойственно подавляющему большинству людей, но у «принцев» это качество выражено в наибольшей степени, гипертрофировано.

Божий дар или бюрократические игры?

Однако наиболее признанной является типология лидерства, предложенная знаменитым немецким социологом М. Вебером. Понимая под лидерством способность «отдавать приказы и добиваться повиновения», он различал три его главные разновидности. Традиционное лидерство основано на вере в святость традиций (например, старший сын монарха после его смерти «законно» становится королем). Рационально-легальное, или бюрократическое, лидерство базируется на вере в законность существующего порядка и его «разумность». В нем лидер-чиновник выступает не как индивидуальность, от которой исходит власть, а как агент определенной государственной функции, рациональной и целесообразной с точки зрения поддержания целостности социальной системы. В соответствии с тенденцией к бюрократизации современного общества лидер-бюрократ стал преобладающей фигурой, порой само индивидуальное лидерство рассматривается как романтический пережиток прошлого, вытесняется лидерством бюрократических организаций. Наконец, харизматическое лидерство, по Веберу, возникает в критических ситуациях, прежде всего в периоды революций. Со стабилизацией социальной системы оно трансформируется в традиционное или, чаще, в бюрократическое, происходит «рутинизация харизмы».

Обычно западные политики считают, что традиционное лидерство характерно для доиндустриального общества, бюрократическое — для индустриального, где лидер должен продемонстрировать определенный уровень компетенции, двигаясь по ступенькам бюрократической карьеры. Если традиционное и бюрократическое лидерство функционирует в стабильных социальных структурах и приспособлено прежде всего к решению повседневных задач (поэтому Вебер называет эти два типа рутинными), то харизматическое возникает на крутых поворотах истории. Понятие «харизма» заимствовано Вебером из раннехристианской литературы и означает «боговдохновенность». Этот термин применяется к индивиду, который выделяется из среды «обыкновенных» людей и считается наделенным сверхчеловеческими или, по крайней мере, исключительными способностями. Причем не так уж важно, действительно ли эти способности столь необыкновенны, главное, чтобы такими их видели его последователи, которые фанатически преданы харизматическому лидеру и всякое сомнение в его выдающихся качествах рассматривают как святотатство. И если бюрократическое лидерство предельно безлично, то харизматическое лидерство носит, как правило, глубоко личностный характер.

Заметим, что в последнее время понятие харизматического лидерства используется для объяснения политических процессов в развивающихся странах. Американские политологи А. и Д. Вильнеры доказывают, что в этих странах до прихода в них западного влияния господствовало традиционное лидерство. Колониальные же державы принесли с собой характерный для них рационально-легальный тип власти, чуждый завоеванным ими народам. В результате антиколониальных революций образовался политический вакуум; он-то и был заполнен единственным не скомпрометированным типом лидерства — харизматическим, взявшим на

себя миссию интеграции и модернизации общества. Успех харизматического лидера часто зависит от того, в какой степени он сумеет добиться, чтобы народ отождествлял его с традиционными национальными героями.

Впрочем, есть в современной политологии и другой взгляд. Французский исследователь Ж. Лакутюр скептически относится к харизматическим лидерам третьего мира — Г. Насеру, К. Нкруме, Х. Бургибе, Н. Сиануку, аятолле Хомейни, С. Хусейну, считая, что обожествление этих лидеров, восприятие их последователями как полубогов препятствует решению стоящих перед этими странами задач. Внешне харизматическая власть производит впечатление высокой эффективности: лидер одним махом решает сложные задачи, дает необходимый первый толчок, без которого дело не может сдвинуться с мертвой точки. Но именем вождя слишком часто прикрывается расколотовое на фракции, пораженное коррупцией и соперничеством окружение, в котором и расплывается внешне столь сильная и единая власть. Режим персонифицированной власти оказывается недолговечным, на смену герою или псевдогерою приходит антипод — бюрократ.

Большинство политологов признают, что харизматическое лидерство особенно характерно для тоталитарных структур (это не исключает проявлений харизмы и в демократических обществах, свидетельством чему является феномен генерала де Голля). Вебер полагал, и не без оснований, что харизмой должен обладать любой революционный вождь. Нет сомнения, что подобной харизмой в глазах миллионов народных масс, поверивших в социалистические идеи, обладал В. Ленин. Отметим, что в случае смерти харизматического лидера остро встает вопрос о «наследовании» харизмы. Сталин наверняка не читал Вебера (хотя, по-видимому, читал Макиавелли), но этот гениальный злодей интуитивно осознал поставленную Вебером проблему. Он сделал все, чтобы создать впечатление у последователей, что он — «законный» преемник ленинской харизмы, и доказать свою близость Ленину. Старые партийцы, знавшие, насколько это не соответствует действительности, и бывшие для него поэтому опасными, подверглись беспощадным репрессиям. Знаменитая «клятва», произнесенная Сталиным на похоронах Ленина, должна была подтвердить законность наследования Сталиным лидерства в партии и стране (известно также, что для того чтобы Л. Троцкий, находившийся в то время на Кавказе, не помешал этому церемониалу, Сталин обманул его относительно даты похорон). А затем в угоду Сталину и под его наблюдением была создана целая мифология, призванная доказать законность перехода харизмы от Ленина к Сталину. Вспомним кинолениниану 30-х годов и последующих десятилетий («Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году» и др.), где Ленин часто появлялся в сопровождении Сталина и последний давал ему наиболее «ценные» советы. Эта тотальная мифология пронизывала все виды официального искусства, литературы; инспирировался псевдонародный «эпос» типа: «... Два сокола ясных вели разговор. А соколов этих люди все узнали. Первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин». Кстати, сравним, насколько этот лидер был умнее Л. Брежнева, стремившегося «подкрепить» авторитет своего лидерства очередным орденом, медалью или иной побрякушкой...

Обладают ли харизмой нынешние политические лидеры нашей страны? Горбачев, на мой взгляд, обладал ею в первые годы своего лидерства. Особенно выгодно он смотрелся на фоне бывшей геронтократической элиты. Но еще Вебер считал, что признание лидерства харизматическим далеко не безусловно: лидер должен доказывать свою харизму, и лучшим доказательством является успех его лидерства, достижение поставленных целей. Напротив, если он долгое время терпит неудачи, это его качество

отвергается, и его авторитет падает. Приходится признать, что Горбачев потерпел фиаско во всех своих основных (в том числе и благих) начинаниях. И его харизма уступила место разочарованию, недоверию, наконец, активному неприятию. Он потерял и президентство, и страну, президентом которой он был, отрекся от партии, которая привела его к власти, разрушил социальную систему, которую хотел реформировать, придав ей человеческое лицо, но которую лишь спровоцировал на острейшие социальные, экономические, межнациональные конфликты.

Хотя популярность Б. Ельцина несравненно выше, несомненно, что его авторитет будет зависеть от того, насколько успешно будет реализовываться его программа выхода России из кризиса. Отсутствие сформировавшегося гражданского общества в нашей стране выводит политически активных людей непосредственно на личность лидера, если он (как им представляется) выражает их интересы. Политические отношения замыкаются на политических лидерах, именно они, а не политические партии, сплачивают вокруг себя сторонников. Не искушенный в политике россиянин определяет свою политическую позицию через отношение к президенту Российской Федерации — за Ельцина или против него. Политическая позиция выливается в персональную преданность. С одной стороны, ориентация на политического лидера, вера в него оказывает стабилизирующее воздействие на политическую ситуацию. Но это может носить временный характер и даже таить в себе опасность. «Неподтвержденная харизма», ухудшение социально-экономической ситуации могут достичь критических значений и переключить массовые настроения с одного полюса на другой: безоговорочная поддержка может легко перейти в столь же безоговорочное неприятие, чреватое социальным катаклизмом. Возможны также появление альтернативного политического лидера и поляризация политических сил вокруг этих лидеров.

Следует заметить, что харизмой может обладать не только лидер, но и институт власти. Например, при избрании на должность генсека в прошлые десятилетия харизма, которой обладала монопольно правившая в стране партия (власть ее представлялась священной, ибо она управляла страной от имени «самой передовой, научной» идеологии), автоматически проецировалась на нового лидера, даже на такого ничтожного, как К. Черненко. И все же, если лидер не отвечал ожиданиям последователей, харизма разрушалась. И не случаен поток анекдотов о Брежневе, которые срывали с него и ему подобных лидеров покров официального величия и представляли их в истинном — смешном и жалком — виде, заодно ликвидируя и харизму выдвинувшей их партии.

Можно сформулировать следующую закономерность или по меньшей мере тенденцию: чем менее развита политическая система, тем большую роль в ней играет харизматическое лидерство.

Каким стилем плыть лидеру?

В плавании известны разные стили — кроль, баттерфляй, брасс; порой можно и по-собачьи прийти к финишу первым. В политическом лидерстве тоже есть разные стили. Одни лидеры любят командовать. Другие — вдохновлять. Одни держат дистанцию в отношениях с последователями. Другие — социально близкие, «свои», предпочитают неформальные контакты. Ну, а политологи и социальные психологи зарабатывают себе на хлеб, классифицируя эти стили и выявляя оптимальный. Наибольшую известность приобрела типология, которая сводит все стили лидерства к демократическому и авторитарному.

Если в начале века исследователи (в том числе Вебер) делали упор на исключительную прерогативу лидеров командовать и беспрекословную обязанность подчиненных повиноваться, то теперь акценты значительно сместились. Научно-техническая революция, увеличивающееся количество и сложность организаций потребовали новых лидеров, и во все больших количествах. Еще более важны социально-политические сдвиги нашего столетия, возрастание роли народных масс в историческом процессе. Все это объясняет «моду» на демократическое лидерство. Сильная рука администратора должна возможно чаще облекаться в бархатную перчатку. Демократическое, мягкое лидерство противопоставляется авторитарному, жесткому, грубому, не без оснований рассматривается как более гибкое и оптимальное с точки зрения ослабления социальных конфликтов (что отнюдь не обязательно: в условиях авторитарного лидерства в СССР социальные конфликты подавлялись или приглушались, а в условиях демократического лидерства несравненно усилились) и функционирования политических и иных организаций.

Авторитарное лидерство обычно характеризуется следующим образом: все указания даются по-деловому, кратко, совершенно прямо и открыто. Лаконичный и четкий (командный) язык, неприветливый тон, похвала и порицания полностью субъективны. Социально-пространственная позиция лидера — вне группы. На лидере замкнута вся групповая информация. Авторитарный лидер требует монопольной власти, единолично определяет и формулирует цели группы и способы их достижения; связи между членами группы сведены до минимума и проходят через него и под его контролем. Такой лидер пытается повысить активность подчиненных административными методами; его главное орудие — «железная» требовательность, угроза наказания, чувство страха. Как свидетельствуют психологи, отнюдь не все авторитарные лидеры — грубые, импульсивные люди. Но всех их роднит властность, стремление сосредоточить в своих руках все рычаги власти. Психологический климат в группе, где практикуется этот стиль лидерства, характеризуется недостатком доброжелательности и взаимного уважения между лидером и подчиненными, которые превращаются в пассивных исполнителей воли лидера.

Демократический стиль лидерства, по мнению подавляющего большинства социологов, является предпочтительным. Демократическое лидерство не унижает подчиненных, а, напротив, пробуждает в них чувство собственного достоинства, индуцирует активность, позволяет достичь наивысшей производительности труда. Вот как описывают этот стиль социальные психологи: все мероприятия в коллективе при их проведении облекаются в форму предложений. Нормальная, не сухая речь, товарищеский тон, похвала и порицания делаются в форме дружеских советов (такова же форма распоряжений и запретов). Социально-пространственное положение лидера — внутри группы. Подобные лидеры с уважением относятся к членам группы, объективны в общении с ними, инициируют участие каждого в деятельности группы, делегируют ответственность, распределяя ее среди всех членов группы и создавая атмосферу сотрудничества. Информация не монополизирована лидером, она максимально открыта, доступна членам коллектива.

Различение двух основных стилей лидерства стало общепринятым в социологической литературе. Вместе с тем ряд исследователей высказывают неудовлетворенность данной дихотомией. Жизнь оказывается богаче любой схемы, в ней встречаются переходные формы и оттенки, встречаются сочетания (порой весьма причудливые) обоих стилей.

Некоторые исследователи выделяют еще один — «попустительский й», или «не вмешивающийся», тип лидера. Такой лидер

старается уйти от решения проблем, уйти от ответственности, переложить ее на подчиненных; его установка — по возможности незаметное пребывание в стороне. Лидер избегает конфликтов с людьми и устраняется от разбора конфликтных дел, передоверяя их своим заместителям и другим людям. Это худший из стилей. Следует отметить, что подобный стиль получил определенное распространение в нашей стране, особенно в годы застоя. Представители тогдашней геронтократической элиты — Брежнев в последние годы жизни, Черненко — давали максимальный простор для самоуправства челяди.

Ряд политических наблюдателей находят черты такого «не вмешивающегося» стиля лидерства у Горбачева, который предпочитал «не знать» о действиях ОМОНа в Литве и Латвии, о кровавых событиях в Тбилиси и Баку. Безусловно, сильная сторона Горбачева — умение нащупать равнодействующую различных интересов и искать компромисс — в условиях кризисных ситуаций оборачивалась слабостью. Он постоянно избегал пограничных ситуаций, в которых необходимо принимать окончательные решения; само состояние выбора для него, по-видимому, неприятно, если не мучительно. Идеальной позицией для него представляется позиция «над схваткой», где ему принадлежала бы роль арбитра. И тут решительность Ельцина в острейших ситуациях, потрясавших нашу страну в последние годы, не могла не выявить своих преимуществ (при этом, однако, рассудочность Горбачева по сравнению с некоторой импульсивностью и большей эмоциональностью Ельцина может иметь преимущества в иных, более спокойных ситуациях).

Еще большая трудность при анализе стилей лидерства связана с различием решения проблемы на микро- и макроуровнях, прежде всего в сферах интерперсональных отношений и политического лидерства. На мой взгляд, такое различие принципиально важно. Между тем многие, если не большинство исследователей, склонны экстраполировать наблюдения над лидерством в малой группе на политическое лидерство. Авторитетный американский социолог Б. Бэсс считает лидерство в эмпирически обозримой группе моделью политического лидерства; последнее оказывается тысячекратным увеличением лидерства в малой группе. Бэсс при этом апеллирует к авторитету Конфуция, считавшего, что человек, успешно управляющий семьей, может управлять империей. Но сведение политического лидерства к интерперсональным отношениям некорректно, ибо за политическим лидерством стоят социально-классовые отношения, которые могут и не проявляться в малых группах, особенно социально однородных.

Порой лидеры демократических движений склонны к авторитаризму, или, во всяком случае, жесткости в межличностных отношениях. Подобные упреки неоднократно делались в адрес и Б. Ельцина, и Н. Травкина, и А. Руцкого, и Г. Попова, и особенно часто — Р. Хасбулатова. Тут важно уточнить, имеется ли в виду политическая линия этих лидеров или же, взаимоотношения их с последователями и подчиненными.

И все же корреляция между макро- и микроуровнями, безусловно, существует, ибо и тот, и другой детерминируются социально-экономической структурой общества, его потребностями. Оба уровня, несомненно, взаимосвязаны, хотя и обладают относительной автономией.

Не будет преувеличением сказать, что более семи десятилетий авторитарное лидерство в нашей стране было абсолютно преобладающим. Это важный элемент административно-командной системы, которую гораздо правильнее называть тоталитарной системой. И вряд ли можно сомневаться в том, что глубокие процессы демократизации в нашем обществе будут сопровождаться изменениями в стиле лидерства.

Но было бы ошибкой абсолютизировать это положение, признавать

демократическое лидерство единственно возможным или единственно приемлемым в современных условиях. Тут нельзя отвлекаться от особенностей конкретной ситуации, разные типы которой требуют разных форм и стилей управления социальными процессами. Как правило, или, лучше сказать, в нормальной ситуации демократический стиль лидерства, безусловно, предпочтителен. Но в условиях чрезвычайных обстоятельств определенными преимуществами может обладать и авторитарное лидерство. Возьмем простейший пример: корабль терпит бедствие и тонет. И тут демократический стиль руководства может оказаться пагубным: капитан должен обладать диктаторскими, чрезвычайными полномочиями. Таким образом, следует подходить к лидерству конкретно, с учетом исторической ситуации, особенностей места и времени, культурных традиций и т. д.

Лидерство в чрезвычайных условиях

Мы подошли к важнейшему вопросу — какой характер должно носить политическое лидерство на нынешнем переломном, кризисном этапе нашего развития. Если этот этап — снова ЧП, то, может быть, ситуационно оправдано авторитарное политическое лидерство? В нашей литературе уже ставился вопрос о том, возможен ли переход от тоталитарной политической системы, просуществовавшей у нас более семи десятилетий, непосредственно к демократической или же такой переход с неизбежностью ведет к социальным потрясениям, катаклизмам, а то и к гражданской войне? (Последнее обусловлено в числе прочего тем, что обществу не хватает политической культуры, терпимости к иным взглядам и позициям.) Так не является ли оптимальным движение от тоталитаризма к авторитаризму, а уж затем — к демократии?

В 1989—1990 годах в «Литературной газете» и других изданиях развернулась длительная дискуссия, начатая выступлениями в печати И. Клямкина и А. Миграняна, утверждавших, что в условиях крутой ломки социально-экономических отношений, связанной с переходом к рынку, только сильная авторитарная власть может быть залогом стабильности общества. Клямкина и Миграняна критиковали и слева, и справа (что само по себе свидетельствует о том, что они затронули большую струну). Хотя их аргументы были не лишены оснований, неминуемо возникал вопрос: если авторитарное лидерство необходимо в условиях ЧП, то сколько может продолжаться это ЧП? Ведь мы, собственно, семь с половиной десятилетий не жили нормально, это все было хроническое ЧП: революция и гражданская война, социальные катаклизмы, связанные с насильственной коллективизацией, индустриализацией, миллионными репрессиями, тяжелейшая война, восстановление народного хозяйства, новые репрессии, непосильная гонка вооружений, новые крупномасштабные эксперименты. А сколько может длиться авторитарный режим, призванный, по мысли его сторонников, обеспечить переход к рынку? Ведь заведомо ясно, что путь к рынку длителен и тернист. И введение на длительный срок авторитарного режима неизбежно означает ограничение демократии, которая только и может служить опорой для выхода из тяжелейшего кризиса, а правильнее сказать, тупика, в который зашла страна. Да и сама привычка к авторитарным методам управления может быть весьма живучей и грозит растянуться на неопределенный срок.

Движение к авторитарным методам управления — не просто тема для обсуждения, это уже реальное движение, явственно проявляющееся в различных республиках и регионах СНГ. В нем отразилось и обострение

противоречий между законодательной и исполнительной властями (в России и ряде других республик, в Москве, Санкт-Петербурге и других городах и регионах). На период перехода к рынку нужна сильная исполнительная власть; причем нынешнее усиление ее позиций связано также и с тем, что представительные органы у нас изначально оказались не лучшим образом сформированными. И все же дает ли это основание для авторитарной власти? Ведь известно, что определенные политические силы использовали завоевание независимости рядом республик для установления авторитарно-диктаторских режимов (режим Гамсахурдии в Грузии — не единственный пример авторитарного лидерства).

Без сомнения, радикальный поворот в развитии нашего общества требует и жертв, и терпения. В современной России, пожалуй, только Ельцину — лидеру с наивысшим рейтингом и репутацией бойца — народ может поверить и пойти на жертвы, учитывая, что наибольшей ошибкой было бы сейчас бездействие или затягивание решения вопросов перехода к рынку (чем мы, увы, занимались семь долгих лет). Получив от Верховного Совета РФ дополнительные полномочия, Ельцин сделал несомненный шаг к авторитарному лидерству. Важно, чтобы это лидерство, даже если оно ситуационно оправдано, не выходило за рамки переходного периода и не вело к ограничению демократических завоеваний народа. Исполнительную власть необходимо укреплять. Вопрос только — каким путем: демократическим или диктаторским, «железной рукой» разрушая препятствия на пути демократических реформ в соответствии с волей народа или же осуществляя реформы вопреки воле большинства народа.

Именно сейчас, в период коренных социальных перемен в стране, закладываются основы новой политической структуры, зарождаются новые традиции. И если авторитаризм возобладает на нынешнем этапе развития нашей страны, существует большая вероятность того, что он растянется на долгий период. Слишком велико для политического лидера искушение — вместо кропотливой, терпеливой работы по достижению согласия, нахождению компромиссов «перекрыть кислород» оппоненту, подавить его, лишить его доступа к средствам массовой информации. И все это — «временно» и «из лучших побуждений». Увы, «временное» в России слишком часто оказывается наиболее постоянным.

В течение года после путча различные политики, в том числе и объявляющие себя «левыми», беспрерывно подталкивают Ельцина к авторитарной власти, ссылаясь на опыт то Пиночета, то Пак Чжон Хи, пугая, что иначе наступит экономическая и политическая катастрофа, анархия или даже гражданская война. Пока Ельцин не слушает этих советов, стремится избегать крайностей. В дальнейшем все будет зависеть, по-видимому, от соотношения политических сил в стране.

Глубокие демократические преобразования последних лет выдвинули таких незаурядных лидеров, как А. Собчак, А. Руцкой, С. Станкевич, Ю. Афанасьев, Г. Старовойтова и других.

Демократические лидеры в нашей стране формировались двумя путями. Часть их (большая) вышли из КПСС, порвали с ней в условиях провала номенклатурной перестройки. Не удивительно, что они сохраняют сильные традиции большевизма, силовых методов решения споров. Напротив, у лидеров, не входивших ранее в КПСС, во властные структуры, этот опыт вообще отсутствует. Эти лидеры выдвинуты главным образом движением «Демократическая Россия» и в ней прошли школу лидерства. Но готовились острая нехватка компетентных политических лидеров, неподготовленность многих из них к конструктивной (а не только к митинговой и разрушительной) работе. Эти люди не кончали «паблик скулз» ввиду отсутствия таковых в нашей стране, как правило, не имеют политического образования. Их политическая культура оставляет желать

лучшего (точнее, они отражают политическую культуру посттоталитарного общества, которое и выдвинуло их на позиции лидеров). Зачастую плохо умея пользоваться демократическими процедурами и институтами и пренебрегая ими (что, к сожалению, вполне в традициях нашей страны), они чаще, чем нужно, прибегают к силовым, авторитарным методам, обнаруживая неумение и нежелание идти на компромисс с инакомыслящими (что, в частности, видно опять-таки на примере отношений между представительными и исполнительными органами власти Москвы и Санкт-Петербурга).

Для политических лидеров в нашей стране, выдвинувшихся в последние годы, характерна прежде всего резкая критичность, доходящая до непримиримости (их порой называют «инверсионными лидерами») к тем, кого они клеймят как политических противников. Но позитивная программа у них либо слаба, либо вовсе отсутствует. Ее заменяет яростное обличение оппонентов, поиски «виновников». Это особенно относится к оппозиционным лидерам, которых оппоненты называют «красно-коричневыми». Все бывшие официальные лидеры КПСС вынуждены были отойти в сторону, продемонстрировав свою полную неспособность перестроиться в соответствии с новой ситуацией; всех этих мастеров бюрократических игр, закулисных интриг сменили лидеры типа С. Бабурина, В. Жириновского, В. Анпилова, способные мобилизовать определенные группы населения, сплотить их, направить их недовольство против неокрепшего российского политического режима.

Тоталитарная власть искусственно создавала ситуацию «беспроблемности», поскольку оппозиционные силы подавлены (а, как цинично говорил Сталин, «есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы»). Между тем проблемы лишь обостряются и рано или поздно «взрываются» (как межнациональные конфликты в странах СНГ). Подавив оппозицию, недемократическая власть рискует утратить механизм обратной связи с населением. Следовательно, подлинное усиление власти означает не подавление инакомыслящих, а, наоборот, доступ к участию во властных структурах тех групп и слоев, которые имеют свои особые интересы и поднимают перед властями не всегда приятные проблемы, ибо подавление этих сил влечет лишь неминуемое обострение проблем, попытку загнать бячку внутрь.

Хотелось бы предостеречь против ошибки, нередко встречающейся у многих наших политологов, неправомерно отождествляющих сильную власть с авторитарной. Равным образом неправомерно отождествлять демократическую власть со слабой властью; очевидно, что последняя может лишь скомпрометировать демократическую политическую систему. Еще Г. Лебон в прошлом веке писал, что народ уважает сильную власть и презирает слабую. Демократическая власть может и должна быть сильной. Отметим также, что власть в авторитарной политической системе бывает и слабой, и неустойчивой.

И худшим видом власти является не авторитарная и даже не тоталитарная, а безвластие, которое может вылиться в охлократию, а то и во власть уголовной мафии. Не случайно в условиях ослабления политической власти у части населения (как это было продемонстрировано в июне 1992 года на митингах у Останкинского телецентра) оживились ностальгические воспоминания о «сильной власти» (прежде всего сталинской), при которой, как они считают, был бы невозможен столь высокий, как сейчас, уровень преступности и коррупции в стране.

В заключение упомяну еще об одной проблеме, связанной с лидерством. Весьма интересны взаимоотношения лидера и элиты, лидера и его ближайшего окружения — недаром говорят, что «короля играет двор». Обычно считается, что в демократической политической системе лидера

выдвигает народ. Но часто лидер выдвигается политической элитой, она ассоциирует с ним свою политику, несет за него ответственность. Однако возникают конфликты между политической элитой и политическим лидером, порой очень острые. Правящая элита в условиях кризисных процессов в экономике и необходимости пересмотра политического курса может пожертвовать лидером (вспомним Уотергейт). Но, пожалуй, наиболее драматически протекает этот процесс у нас. Когда лидер перестройки, выдвинутый элитой партokratии, во имя спасения системы предпринимает огромные усилия для ее реформирования в направлении демократизации и гласности, большая часть элиты, чувствуя себя обманутой, отворачивается от лидера, который отчаянно маневрирует, ищет поддержки у демократической контр-элиты, а ей он как лидер оказывается не нужным. Ближайшее окружение предаёт политического лидера в августе 1991 года, и этот политик остается не у дел, сохраняя некоторую популярность лишь в странах Запада, которые он спас от страшной атомной угрозы.

Нелегка, порой тяжка судьба политического лидера. Ведь именно с ним народ ассоциирует свои успехи и поражения, на него переносит амбивалентные чувства благоговения или ненависти.

В условиях высокой политической культуры народа к ушедшим или потерпевшим поражение лидерам сохраняется уважение или хотя бы терпимость. Вспомним уход М. Тэтчер с поста премьер-министра — уход, полный достоинства, сохранивший к ней уважение миллионов людей за ее многотрудную деятельность. Напротив, в условиях низкой политической культуры масса и элита проклинаят прошлого лидера и раболепствуют перед новым. Так установилось в нашей стране долгие десятилетия. Но так не должно быть. Еще в античные времена дальновидные государственные деятели считали неуважительное, тем более кощунственное, отношение к ушедшим политическим лидерам проявлением варварства. Плутарх указывал, что Цезарь не разрешил своим слишком рьяным сторонникам разрушить статуи Помпея после поражения последнего. И это только повысило авторитет Цезаря. С уважением к памяти лидеров прошлого относился Август. «После бессмертных богов,— свидетельствует Светоний,— он больше всего чтит память вождей, которые вознесли державу римского народа из ничтожества к величию. Поэтому памятники, им поставленные, он восстановил с первоначальными надписями... объявив эдиктом, что он это делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей»².

² Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990, с. 51.